

УДК 821(47)-31

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-38-59

Трактат Иконникова о добре и доброте:
эволюция публицистической составляющей

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации; Москва, Россия,
bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье описана история создания одного из ключевых фрагментов романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» – трактата Иконникова о добре и доброте. Изучив ряд архивных материалов, автор доказывает, что изначально это философское сочинение было частью романа «За правое дело», однако в ходе подготовки романа к публикации в «Новом мире» было снято и впоследствии перенесено во вторую часть сталинградской дилогии – романа «Жизнь и судьба». При этом система публицистических идей была существенно изменена.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, публицистика, советская литература, «Сталинград», «За правое дело», «Жизнь и судьба»

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Трактат Иконникова о добре и доброте: эволюция публицистической составляющей // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 38–59. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-38-59

Ikonnikov's treatise on "The Good Versus Kindness".
Evolution of the publicist ideas

Yurii G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;*

bityunan@gmail.com

Abstract. The article describes the history of the most famous philosophical fragment of V. Grossman's novel "Life and Fate" – Ikonnikov's treatise about the good and human kindness. Based on archival materials, the author con-

© Бит-Юнан Ю.Г., 2024

cludes that Ikonnikov's essay was initially to have been part of the novel "For The Just Cause", translated into English as "Stalingrad", but was left out during the editorial assessment in the "Novy Mir" journal. Later, however, the piece was included in the continuation of "For The Just Cause" – the novel "Life and Fate". Thereat, the system of publicistic ideas was significantly changed.

Keywords: V. Grossman, political writing, Soviet literature, "Stalingrad", "For The Just Cause", "Life and Fate"

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2024), "Ikonnikov's treatise on 'The Good Versus Kindness'. Evolution of the publicist ideas", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, pp. 38–59, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-38-59

Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» однозначно признается историками литературы его главной работой. Лишь иногда делаются оговорки, что «Жизнь и судьбу» следует рассматривать наряду с последней повестью Гроссмана – «Все течет...», чей политический пафос даже острее, чем в романе [Ellis 1994, pp. 197–217; Garrard, Garrard 1996, pp. 301–334].

Что же до идейной структуры «Жизни и судьбы», то и здесь разногласий не много. Как правило, литературоведы соглашаются, что фундамент произведения – это трактат о добре и доброте.

Старый большевик Михаил Сидорович Мостовской попадает в немецкий трудовой лагерь. В одном бараке с ним живет странный мужчина «неопределенного возраста»¹. Он совершенно равнодушен к тому, чем особенно дорожат остальные, не пытается устроиться на менее изнурительную работу и т. д. Его фамилия – Иконников. Однажды он дает Мостовскому какие-то записи и просит, чтобы тот прочитал их. С какой целью он это делает – неясно.

Вскоре Мостовского ведут к коменданту лагеря – Лиссу. Тот говорит, что уже ознакомился с записями Иконникова, и теперь – очередь Мостовского. И тот, находясь в изоляторе, тоже прочитывает их. Основная мысль Иконникова сводима к следующему: идея добра насильственна и бесчеловечна, поскольку понимание добра у каждого свое. Доброта же принципиально отличается от добра. Доброта – это человечность, это иррациональная потребность совершать благие поступки вопреки собственной выгоде, но именно доброта объединяет людей и позволяет им принадлежать к человеческому роду². Этот фрагмент был отмечен первыми отечественными

¹ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 21.

² Там же. С. 297–311.

ми рецензентами романа. С 1988 г., когда «Жизнь и судьба» была впервые напечатана в СССР, буквально каждый критик обращался к философскому сочинению Иконникова³.

Историко-филологическая работа с «Жизнью и судьбой» строилась по тому же принципу: если речь о романе, то анализ идей Иконникова обязателен [Бочаров 1990, с. 85–103; Ланин 1997; Клинг 2012]. И речь не только об отечественной филологии [Sisto 2007; Riconda 2007; Guglielminetti 2011; Maddalena 2011].

Новые выводы давно не формулируются. Можно сказать, гуманистический посыл Иконникова изначально предопределил гуманистическое отношение к его идеям – а в этой плоскости различий быть не может. Иконников прав – и это общепризнанный факт. К тому же его мысли явно резонируют с авторскими. Раз так, спор тем более не уместен. Однако помимо анализа опубликованного текста есть история его написания. И здесь возможны любые неожиданности. Задача данной статьи – изучить эволюцию публицистических идей Иконникова на различных этапах работы над романной диалогией.

* * *

Начать следует с того, что трактат о добре и доброте был написан еще до того, как Гроссман приступил к созданию «Жизни и судьбы», и должен был стать частью первой книги – «За правое дело».

Работа над «За правое дело» была начата в 1943 г. и завершена к 1949 г. Затем рукопись многократно редактировалась и была издана только в 1952 г. журналом «Новый мир»⁴. Первоначальными названиями были «Сталинград» и «Жизнь и судьба». Название «За правое дело» было предложено в начале 1950-х гг., когда вопрос о публикации сочинения был уже согласован со всеми инстанциями⁵.

В мемуарах и научных работах о Гроссмане неоднократно говорилось, что добиться публикации рукописи было крайне тяжело. Цензурные условия становились все более жесткими – равно как и конкуренция с другими литераторами. Постоянно требовалось идти на уступки: дописывать новые главы, удалять, переписывать

³ См., например: *Иванова Н.* Хранить вечно // *Юность.* 1988. № 7. С. 86–90; *Аннинский Л.А.* Мирозданье Василия Гроссмана // *Дружба народов.* 1988. № 10. С. 253–263; *Дедков И.А.* Жизнь против судьбы // *Новый мир.* 1988. № 11. С. 229–241; *Краснов П.* Свобода и исходный проект // *Литературная Россия.* 1989. 6 окт.; и др.

⁴ См.: *Гроссман В.С.* За правое дело // *Новый мир.* 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 23.

или сокращать существующие. В результате напечатан был компромиссный вариант.

Гроссман не жалел об этой публикации и не отрекался от нее. Но воспользовался возможностью восстановить некоторые изъятия при подготовке дальнейших изданий – уже после смерти И.В. Сталина⁶.

Несмотря на множество упоминаний о борьбе Гроссмана за публикацию своего романа, существует всего одна научная работа, где показано, как именно менялся его сюжет от одной редакции к другой. Это составленное мной и Р. Чандлером послесловие к англоязычному переводу «За правое дело» [Bit-Yunan, Chandler 2019]. В то же время жанровая специфика послесловия налагает определенные ограничения и обязывает к лаконичности и использованию научно-популярного стиля. Данная работа свободна от таких ограничений.

Начнем с описания источниковой базы. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится 9 редакций романа «За правое дело». Сотрудник архива, работавший с этими материалами, не мог тщательно изучить их. Ничего удивительного и тем более предосудительного здесь нет и не может быть: новые документы поступали каждый день – описать все корректно практически невозможно. Поэтому различные редакции романа были охарактеризованы как «варианты». На самом деле, повторюсь, мы имеем дело именно с редакциями, потому что правка, вносившаяся в каждую новую версию, обуславливала изменения на уровне сюжета.

1. «Первый вариант» – черновой автограф романа, практически нечитаемый из-за обилия правки⁷.

2. «Третий вариант» – машинописная копия первой редакции романа с незначительной стилистической правкой автора. Именно в так называемом третьем варианте содержится наибольшее число фрагментов, которые были впоследствии сняты или существенно сокращены⁸.

3. «Четвертый вариант» – машинопись с обильной правкой Гроссмана и редактора (видимо, «Нового мира»). Здесь «труднопроходимых» мест уже меньше. По сути – вторая редакция романа⁹.

⁶ Ср.: Гроссман В.С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210; *Он же*. За правое дело. М.: Воениздат, 1954; *Он же*. За правое дело. М.: Советский писатель, 1964. Подробнее об этом см.: [Бочаров 1990, с. 176].

⁷ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 9–17.

⁸ Там же. Ед. хр. 18–26.

⁹ Там же. Ед. хр. 27–36.

4. «Пятый вариант» – здесь впервые появляется заголовок «Жизнь и судьба». С цензурной точки зрения эта редакция представляется менее рискованной, чем третья и даже четвертая, однако в ней сохранены основные сюжетные линии. Этот текст может быть охарактеризован как третья редакция романа¹⁰.

5. «Шестой вариант» – пожалуй, наиболее консервативная версия романа. История семей Шапошниковых и Штрума сведена к минимуму, сняты все «труднопроходимые» фрагменты. Особое внимание уделяется личности Сталина и его роли в истории. Этот текст может быть охарактеризован как четвертая редакция романа¹¹.

6. «Седьмой вариант» – гранки первой части романа из журнала «Новый мир» (1950). Роман должны были тогда опубликовать, но этого не случилось. Это же подтверждается «“Дневником прохождения рукописи” романа “За правое дело” в издательствах», который Гроссман вел с 1949 по 1954 г.¹² Однако результаты подготовительной работы использовались позднее – при подготовке первого, журнального издания романа. Этот текст может быть охарактеризован как пятая редакция романа¹³.

7. «Восьмой вариант» – верстка романа в «Новом мире», также 1950 г. Шестая редакция романа¹⁴.

8. «Девятый вариант» романа представляет собой дополнения к «восьмому варианту». Дополнения эти были обязательными и включали понижение роли Штрума (поскольку тот был евреем), введение фигуры Чепыжина, расширение глав о роли советского командования в подготовке к победоносному сражению под Сталинградом и т. п.¹⁵ Упоминания об этом также содержатся в «“Дневнике прохождения рукописи” романа “За правое дело” в издательствах». Этот текст может быть охарактеризован как седьмая редакция романа.

9. «Десятый вариант» – верстка романа, подготовленная «Воениздатом» на основе седьмой редакции романа. Очевидно, эта работа была выполнена в 1952 г., когда было получено одобрение на публикацию романа в «Новом мире»¹⁶. Роман тогда напечатан не был.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 37–46.

¹¹ Там же. Ед. хр. 47–51.

¹² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1.

¹³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 54.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 55.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 56–60.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 61–63.

10. «Одиннадцатый вариант» – дополненная на основе «десятого варианта» верстка романа, выполненная «Воениздатом» в 1954 г. Восьмая редакция романа¹⁷.

11. «Двенадцатый вариант» – редакция книги с дополнениями автора. Текстологически соответствует тиражированному «Воениздатом» роману «За правое дело» 1954 г. Девятая редакция романа¹⁸.

Как видно из описания выше, второй «вариант» рукописи отсутствует. На деле – нет. Никакого «второго варианта» не существовало. То, что названо «третьим вариантом», – это машинописная копия «первого варианта», то есть на самом деле – первой редакции романа. При том что все редакции по-своему уникальны, в их эволюции есть своего рода водораздел. Это четвертая и пятая редакции. В четвертой осталось совсем немного от первых трех. Пятая редакция основывается на третьей, поэтому пятая редакция более живая и яркая, чем четвертая. Однако в ней уже нет острых публицистических фрагментов. И она несущественно отличается от той редакции, которая была напечатана «Новым миром» в 1952 г.

Отправной точкой в дальнейшем повествовании послужит первая редакция романа «За правое дело» – как наиболее полная и, очевидно, отражающая первоначальные намерения автора. Именно на ее публикацию изначально рассчитывал Гроссман. На этом этапе рукопись была озаглавлена «Сталинград», однако я буду использовать итоговое название – «За правое дело». Иначе возможна путаница.

* * *

В опубликованных редакциях «За правое дело» у Михаила Сидоровича Мостовского есть товарищ – Гагаров. В первой, неопубликованной редакции Гагарова зовут Владимиром Андреевичем Шарогородским – совсем как одного из второстепенных героев романа «Жизнь и судьба», пожилого друга Жени Шапошниковой.

Внешность Шарогородского из первой редакции «За правое дело» идентична внешности Гагарова из опубликованных редакций романа. Это был «высокий старик с длинным, узким лицом, с длинными худыми руками и необычайно белыми, тонкими пальцами, с длинными ногами, худоба которых угадывалась под болтавшимися брюками»¹⁹.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 64–65.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 66.

¹⁹ Ср.: Гроссман В.С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 8. С. 90; РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 62.

Как и Гагаров, Шарогородский приносит Мостовскому дурную весть (гитлеровцы заняли Ростов) и ищет у того поддержки: «Я к вам пришел как больной к врачу: скажу откровенно – теряю надежду. Они сейчас пойдут снова полным ходом на Кавказ, к Майкопу, к Грозному, к Баку. Я надеялся, что на Дону их остановят, но уж если в нижнем течении Дона их не остановили, то к нам, наверное, перемахнут, под Калачом Дон совсем не широкий»²⁰. Мостовской в ответ лишь пожимает плечами. Шарогородский продолжает: «Вчера я был у Шапошниковой, ее внук, юноша лет семнадцати отлично усвоил, что рекой от фашистов не загородишься. На Днепре, на Буге не задержали, а на Дону задержим?» Мостовской снова не спешит ему ответить – и Шарогородский укоризненно говорит: «Спасибо, можно сказать, утешили меня. Я полагаю, мы вступили в начало конца».

Дальнейший разговор Мостовского с Шарогородским очень похож на разговор Мостовского с Гагаровым. Тематика, проблематика и риторика идентичны. Некоторые качества Шарогородского из первой редакции тоже переданы Гагарову из опубликованных редакций. Так, подобно Гагарову, Шарогородский обладал «сильной, прямо-таки могучей памятью».

В целом почти все сказанное о Шарогородском в первой редакции романа перешло затем в «Жизнь и судьбу» в несколько сокращенном виде. Иначе говоря, решив убрать героя из книги, Гроссман будто разделил его на две неравные части. Малую часть он назвал «Гагаровым», а большую – тем же именем – «Шарогородский» и затем большую часть возродил в романе «Жизнь и судьба»²¹.

Шарогородский из «За правое дело» знакомит Мостовского с неким Иванниковым (созвучно с «Иконников»). Встрече предшествует рассказ об этом человеке.

Шарогородский характеризует Иванникова как «человека исключительно интересного»²² и добавляет, что Иванников «побывал у немцев». Мостовской зло иронизирует: «Был бургомистром, вероятно?» – однако Шарогородский невозмутим: «Нет, он был партизаном, личность своеобразная, исключительная даже в некотором роде. <...> А кроме того, он сам пишет, и хотелось почитать вам кое-что. Он говорит, Ваше мнение для него очень важно».

История Иванникова из третьей редакции романа напоминает историю Иванникова из опубликованных редакций. Ему Гагаров дает такую характеристику: «Этот Иванников довольно странный

²⁰ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 62–63.

²¹ Подробнее см.: Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 98–100. Ср.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 65–67.

²² Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 72.

человек, надо вам сказать. Учился в Лесном институте, потом на филологическом, много ходил пешком по приволжским губерниям, вот тогда мы и познакомились, он захаживал ко мне в Нижний. В сороковом году он обследовал горные лесничества на Западной Украине. Там его в горах и застала война. Жил с лесником, не слушал радио, не читал газет, вернулся из леса – а во Львовке уже немцы. Вот тут его история поистине удивительная. Укрылся он в монастырском подвале, настоятель ему предложил разбирать лежавшие там старинные рукописи. А он без ведома монахов спрятал в этом подвале раненого полковника, двух красноармейцев, какую-то старуху еврейку с внучком. На него донесли, но он успел вывести всех, кто скрывался, и сам ушел в лес. Полковник решил пройти через линию фронта, Иванников пошел с ним. Так они шли тысячу верст, а при переходе линии фронта полковника ранило, Иванников его на руках вынес»²³.

Об Иванникове из неопубликованного текста известно, что примерно год он прожил в монастыре, и «монастырь этот находился в Западной Украине, за Львовом. До этого он был священником в Сибири, а до того учился в Москве и Казани, окончил два факультета – историко-филологический и медицинский. В монастыре он был библиотекарем»²⁴.

Затем сообщаются подробности: «Летом 1941 года, когда на Украину пришли немцы, он тайно, без ведома монахов, а тем более начальства епархии, скрывал в монастырском подвале, где хранились архивы, несколько десятков людей: раненых советских офицеров, старика раввина, еврейских девушек, старух и детей, среди раненых советских командиров был полковник-артиллерист. Тайная полиция заподозрила Иванникова, но, к счастью, он заранее узнал о доносе и ночью через тайный ход все сидевшие в подвале ушли в лес. Ушел с ними и библиотекарь. После этого долгие месяцы бродил он по деревням, около четырех месяцев был у партизан. Полковник артиллерист решил пройти через линию фронта, уговорил Иванникова пойти вместе. Они прошли тысячу верст, а при переходе через линию фронта полковник был тяжело ранен. Иванников вынес его к боевому охранению Красной Армии, через 10 дней полковник умер в госпитале. В Сталинграде Иванников отыскал Шаргородского, которого знал в пору учения в Казанском университете. Он в летние каникулярные месяцы ходил пешком по приволжским губерниям и два раза встречался тогда с Шаргородским, занимавшимся земской деятельностью»²⁵.

²³ Гроссман В.С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 8. С. 92.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 84.

²⁵ Там же. Л. 84–85.

Но на этом биографические сходства между персонажами заканчиваются. Более того, во всех опубликованных редакциях романа «За правое дело» Иванникову отведена до странного скромная роль (текстология, впрочем, этот вопрос и разрешает). Он всего лишь передает Мостовскому письмо для Штрума – главного героя диалогии. Однако в первых, неопубликованных редакциях романа Иванников выполняет гораздо более важную задачу. Именно он вступает с Мостовским в полемику, как более поздний Иконников из «Жизни и судьбы», и поляризует публицистическую основу романа.

Шарогородский представляет своих товарищей друг другу: «Прошу, познакомьтесь: Дмитрий Иванович Иванников, – склоняясь, проговорил Шарогородский. – Человек необычайно много переживший и видевший»²⁶. Это служит зачином к разговору, напоминающему разговор Мостовского и Иконникова в лагере.

Сходства очевидны, но есть и различия. Поскольку речь идет об одном из центральных фрагментов сталинградской диалогии, я приведу цитаты параллельно из первой редакции романа «За правое дело» и из «Жизни и судьбы»:

Первая редакция «За правое дело»²⁷

– Что скажете мне доброго, много по-
видавший товарищ? – спросил Михаил
Сидорович и усмехнулся, когда Иванни-
ков нараспев и немного в нос произнес:

– А что есть добро?

Михаилу Сидоровичу показалось,
что слова эти вдруг перенесли его в дале-
кую пору детства, когда приезжавший на
лето старший брат заводил с отцом спор
о богословских предметах.

– Вопрос с седой бородкой, – сказал
Мостовской, – о нем еще думали будди-
сты и первые христиане, им занимались
в девятом веке и в одиннадцатом, им зани-
мался Спиноза и Кант. Да и марксисты
немало потрудились над его решением.

Вторая редакция
«Жизни и судьбы»²⁸

– Что скажет доброго, това-
рищ? – спросил Михаил Сидоро-
вич и усмехнулся, когда Иконни-
ков нараспев произнес:

– Сказать, доброе? А что есть
добро?

Слова эти вдруг перенесли
Михаила Сидоровича в пору
детства, когда приезжавший из
семинарии старший брат заво-
дил с отцом спор о богословских
предметах.

– Вопрос с седой бородкой, –
сказал Мостовской, – о нем еще
думали буддисты и первые хрис-
тиане. Да и марксисты немало

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 83.

²⁷ Там же. Л. 84–86.

²⁸ Гроссман В.С. Жизнь и судьба... С. 21.

– И решили? – с интонацией, рассердившей Мостовского, спросил Иванников.

– Вот Красная Армия, – сердито сказал Мостовской, – сейчас решает его. А тон ваш имеет в себе, я бы сказал, нечто этакое поповское.

– Иначе не может быть, – улыбнувшись, сказал Иванников, – ведь я был монахом.

– Вот так фунт, – Михаил Сидорович присвистнул и не совсем естественно рассмеялся. Этот жилистый, черный человек, напоминавший рабочего или лесного партизана, заинтересовал его.

<...>

– Видите ли – сказал Иванников – я убежден, что гонения, которые большевики проводили в первые годы после революции против церкви, были очень полезны для христианской идеи. Ведь церковь пришла в ужасное состояние перед революцией. И в церкви, и монастырях царил жалкий, недобрый дух. Большевики, подобно очистительному ветру, вывели из православной церкви все нечистое, черствое, жадное, злое. Хотели вы того или нет... конечно, не хотели, но сделали вы для нас доброе дело.

А лично я не имел к вам претензий. Я видел и знал, что, творя насилия, вы искренне и духовно хотели лишь добра народу. Вот и изъятие церковных ценностей для голодающих меня едва не отлучило от церкви. Я тогда уверенно проповедовал пользу этого дела. Посудите, как мне было не интересоваться вашими книгами.

Михаил Сидорович добродушно сказал:

– Да вы прямо диалектик. вот и мне пришлось увидеть евангельское чудо на старости лет.

потрудились над его разрешением.

– И решили? – с интонацией, рассмешившей Мостовского, спросил Иконников.

– Вот Красная Армия, – сказал Мостовской, – сейчас решает его. А в тоне вашем, простите, содержится некий елей, нечто этакое, не то поповское, не то толстовское.

– Иначе не может быть, – сказал Иконников, – ведь я был толстовцем.

– Вот так фунт, – сказал Михаил Сидорович. Станный человек заинтересовал его.

<...>

– Видите ли, – сказал Иконников, – я убежден, что гонения, которые большевики проводили после революции против церкви, были полезны для христианской идеи, ведь церковь пришла в жалкое состояние перед революцией.

Михаил Сидорович добродушно сказал:

– Да вы прямо диалектик. Вот и мне пришлось увидеть евангельское чудо на старости лет.

– Нет, – хмуро проговорил Иконников. – Ведь для вас цель ваша оправдывает средства, а средства ваши безжалостны. Во мне вы не видите чуда – я не диалектик.

– Нет, хмуро проговорил Иванников. – В практике своей бываете вы непоколебимы, подчас жестоки. Ведь для вас цель ваша оправдывает средства, а средства ваши бывают ужасны своей безжалостностью. Во мне вы не видите чуда: я не марксист и не диалектик. Вы ошибаетесь.

Затем Иванников, как и более поздний Иконников, признается Мостовскому, что утратил веру в Бога и теперь видит «лишь одну силу, одну мысль – о благе людском»²⁹. Поэтому он и пришел к Мостовскому как к «представителю этой мысли»³⁰.

Вскоре Мостовской читает трактат Иванникова. С идеологической точки зрения он почти идентичен трактату Иконникова.

Иванников задает вопросом, что такое добро, и неизбежно приходит к печальному выводу: добро – понятие не абсолютное, а относительное. Представление о добре менялось с течением времени. Хуже того, оно постепенно сужалось. Так, «Евангельские представления, отделенные от буддистских половиной тысячелетия, резко сужают мир живого, к которому применимо добро»³¹, а впоследствии «и добро христиан распалось, сузилось добром католиков, протестантов, добром православия». Прошло некоторое время – «И в добре православия возникло добро новой старой веры, добро сектантов».

При этом в первой редакции «За правое дело», конечно, открыто не говорится о событиях 1937 г. – в отличие от «Жизни и судьбы»: «Я увидел непоколебимую силу идеи общественного добра, рожденной в моей стране. Я увидел эту силу в период всеобщей коллективизации, я увидел ее в 1937 году. Я увидел, как во имя идеала, столь же прекрасного и человеческого, как идеал христианства, уничтожались люди. Я увидел деревни, умирающие голодной смертью, я увидел крестьянских детей, умирающих в сибирском снегу, я видел эшелоны, везущие в Сибирь сотни и тысячи мужчин и женщин из Москвы, Ленинграда, из всех городов России, объявленных врагами великой и светлой идеи общественного добра. Эта идея была прекрасна и велика, и она беспощадно убила одних, исковеркала жизнь другим, она отрывала жен от мужей, детей от отцов»³². Важнее, однако, другое: процитированный выше фраг-

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 87.

³⁰ Там же.

³¹ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 90–91.

³² Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 308.

мент идеально вошел в трактат Иванникова. Словом, место для него было заготовлено изначально.

Также в трактате из первой редакции «За правое дело» содержится пространное рассуждение об избииении младенцев в Вифлееме (в «Жизни и судьбе» содержатся лишь упоминания о нем). Казалось бы, этот миф – пример совершенного зла, оправдать которое нельзя. Самый сильный, человек с оружием, уничтожает самого слабого – младенца. Однако Иванников проявляет философскую гибкость ума и справедливо отмечает, что «Среди этих убийц были люди, осуждавшие царя, ужасавшиеся убийств. Если б они ослушались царя, их бы самих убили, а дети все ж погибли: на место каждого отказавшегося нашлась бы сотня не решившихся отказаться»³³.

Некоторые не желали причинить кому бы то ни было зла, рассуждает Иванников. А некоторые утратили понимание того, что убийство есть зло. Они уже стали хищниками, а те не властны над своей природой.

Далее Иванников задумывается о физическом и эмоциональном состоянии солдат. Они идут «по каменистой дороге среди пыли, в ужасной духоте. Снаряжение отягощало их, оружие, раскалившись на солнце, жгло их тела. В глазах их было страдание, пот тек по их лицам, они пошатывались от усталости, путь лежал далек, отдыхать они не смели». И тут им встречается некий путник. Он спрашивает, куда те идут, и получает честный ответ. Вместо того чтобы осудить солдат, он велит своим слугам напоить их. «Назовем ли мы злым этого человека? Назовем ли мы его добрым? Совершил ли зло путник, напоивший водой солдат? Или он смягчил этим поступком души некоторых солдат? Может быть, одну лишь душу? И хотя бы один из воинов в минуту страшной казни, внезапно вспомнив доброту путника, сам ощутил в себе эту бессмысленную доброту и опустил занесенный меч. И, может быть, еще больше ожесточились солдаты, откажи им путник в воде?» Однако затем посланники Ирода встретили другого странника. Он также спрашивает, куда они направляются: «Услышав их ответ, путник, хотя был он слаб и одинок, с мечом бросился на солдат. Он дрался с ними, и несколько из них не переступили городских ворот, а остались лежать на пыльной дороге. И те из солдат, которые думали, что идут творить добро, смутились и поколебались, думая о человеке, павшем в бою не ради убийства детей, а ради защиты детей».

Завершив рассуждение о добре, Иванников обращается к такому явлению, как «доброта»: «Кроме общего понятия добра,

³³ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 91–101.

грозного добра, добра для человечества существует человеческая доброта, понятие житейское. Эта доброта есть жертвенное сочувствие живого существа живому существу». «Доброта», по Иванникову-Иконникову, понятие не социальное и весьма необычное, близкое к парадоксальности и основанное на неожиданности. Доброта чаще всего оказывается «вне круга общественных интересов, общественного добра. Больше того, эта доброта часто противоположна понятию общественного добра, данной эпохи и общества, государственности».

Далее приводятся примеры доброты: «Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напоившего из фляги и перевязавшего раненого врага, это доброта молодости, пожалевшей старость, доброта крестьянина, спрятавшего на сеновале старика-еврея, которого ищут эсэсовцы и, боясь расстрела за эту доброту, кормящего этого старика хлебом и молоком». Здесь же упоминается сюжет, перенесенный затем в «Жизнь и судьбу»: немцы занимают избу, в которой живет пожилая женщина. Они съедают все ее припасы, пьют, бесчинствуют и мусорят, а на нее не обращают никакого внимания, будто она не человек. Утром один из них чистит автомат и случайно нажимает на спусковой крючок. Пуля попадает ему в живот. Пока его товарищи ищут врача, он страдальчески смотрит на женщину и просит, чтобы та дала ему воды. Та, ненавидящая нацистов, и его в том числе, помогает ему сесть и дает напиток, хотя могла бы просто придушить подушкой³⁴.

В отличие от «добра», «доброта» вечна и неизменна. Однако, подобно добру, доброта не абсолютна. Пусть время и пространство и не ограничивают ее – сила доброты все же ограничена: «К сожалению, ею не так уж богат людской род, она подобна радио, действие невидимой пылинки которого проникает толщу свинца, заставляет светиться во мраке холодные цинковые руды».

Более того, доброта, которая делает человека человеком, может оказаться для него вредна: «Эту доброту люди справедливо считают не только бессмысленной. Они считают ее вредной. Эта доброта, ведущая к тому, что человек прячет своего врага, кормит и лечит его, а враг, оправившись, сжигает его дом и убивает его близких».

Завершается рассуждение Иванникова трагически:

Ныне я увидел подлинную силу зла. Оно огромно, оно подобно пламени, охватившему весь шар земли от центра ее до небесного свода. Но и в небесах пусто. На земле лишь человек.

³⁴ Ср.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 99; *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. С. 309–310.

Чем тушить зло? Каплями человеческой доброты?

Да это пламя не потушить водой всех морей и океанов, всех рек и облаков, не потушить его во веки веков каплями росы, которыми я в своем безумии любовался, этой жалкой, скупой горстью, собранной с евангельских времен по сегодняшний железный день...

И это главное расхождение между философской и публицистической компонентой трактата Иванникова и трактата Иконникова. Иванников погружается в скепсис и апатию, а вот Иконников – нет:

Я закалил свою веру в аду. Моя вера вышла из огня кремационных печей, прошла через бетон газoven. Я увидел, что не человек бессилен в борьбе со злом, я увидел, что могучее зло бессильно в борьбе с человеком. В бессилии бессмысленной доброты тайна ее бессмертия. Она непобедима. Чем глупей, чем бессмысленней, чем беспомощней она, тем огромней она. Зло бессильно перед ней! Пророки, вероучители, реформаторы, лидеры, вожди бессильны перед ней. Она – слепая и немая любовь – смысл человека.

История людей не была битвой добра, стремящегося победить зло. История человека – это битва великого зла, стремящегося размолоть зернышко человечности. Но если и теперь человеческое не убито в человеке, то злу уже не одержать победы³⁵.

«Доброта» Иконникова – более сложное понятие, нежели «доброта» Иванникова. Иванников рассматривает «доброту» исключительно как иррациональную часть человеческой личности. Проявление доброты нельзя спрогнозировать, и на нем ничего нельзя построить. Доброта существует, но ее действенная сила ничтожна – и эта правда буквально разрушает мировоззрение Иванникова.

Согласно Иконникову, сам потенциал доброты – даже если он никогда не будет реализован – играет огромную роль. Один тот факт, что доброта существует, свидетельствует о том, что «человеческое не убито в человеке», а значит, «злу уже не одержать победы».

Двадцатый век – эпоха, когда суждения о торжестве человека над зверем утратили статус аксиомы. В.Т. Шаламов в «Очерках преступного мира» безапелляционно опровергал веру в то, что человеческое бессмертно в человеке³⁶. Подобные мысли высказывались

³⁵ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 310–311.

³⁶ См.: Шаламов В.Т. Очерки преступного мира. Вологда: Грифон, 2000. С. 12–110.

и в мемуарах Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут»³⁷. А.И. Солженицын также не отличался кротостью и стремлением ко всепрощению – особенно если речь заходила о доносчиках и уголовниках³⁸. В этом отношении публицистика Гроссмана, пожалуй, ближе к публицистике Ф.М. Достоевского.

* * *

Однако у трактата о добре и доброте есть не только создатель. Мостовской из «За правое дело» и Мостовской из «Жизни и судьбы» по-разному реагируют на прочитанное.

В неопубликованной редакции романа Мостовской пытается пересилить логику Иванникова. При этом его интерес скорее человеческий, нежели политический. Ему жаль отчаявшегося философа. Идеологических колебаний Мостовской, конечно, не испытывает. Он не старик Магар из «Жизни и судьбы»³⁹.

Перечитывая написанное Иванниковым, Мостовской убеждается, что «эти странички написаны человеком душевно, морально потрясенным»⁴⁰. А само сочинение – «Это результат мучительной катастрофы духа».

Мостовской задумывается... и вдруг – «не чувство горечи, тоски, тревоги и темное томление духа, а чувство радостного, молодого волнения охватило Михаила Сидоровича. Так билось его сердце в молодые годы революционной борьбы».

Он кидается к письменному столу и записывает несколько предложений: «...Никогда в истории гибель огромного мира не вела в пустыню, а лишь предшествовала рождению нового из развалин и пламени старого», – затем: «...Маркс говорит: единственно практически возможное освобождение Германии должно стоять на точке зрения той теории, которая объявляет человека высшим существом для человека», – и наконец: «...Человек и его свобода есть единственная и высшая реальная ценность бытия, к реализации этой ценности ведет великая пролетарская революция...». Затем с легким сердцем он направляется к рабочим – людям действия и труда. Его записи останутся незавершенными – но только в первых двух редакциях.

³⁷ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М.: Астрель; АСТ, 2010. С. 482–487.

³⁸ См.: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг: 1918–1956. Ч. 3 // Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М.: ТЕРРА, 2000. С. 398–417.

³⁹ См.: *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. С. 131–145.

⁴⁰ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 103–104.

В третьей редакции (так называемый «пятый вариант») есть глава, которая не встречается больше нигде, – «Записи, сделанные Михаилом Сидоровичем Мостовским...»⁴¹.

Отправным понятием в рассуждениях Мостовского служит «мораль», которой он дает следующую дефиницию: «правила и законы, определенные не небом, а землей»⁴². Иначе говоря, мораль – результат человеческой деятельности, «нормы отношений общества к личности, между личностью и обществом, между личностями в данном обществе».

Поскольку мораль – это категория «общественная, а не биологическая», ее легко фальсифицировать. И в капиталистических странах под видом моральных поступков нередко совершаются поступки аморальные: «Мораль классового общества на протяжении тысячелетий его истории была моралью привилегированного, правящего класса, моралью эксплуататорского государства, существом этой морали, в конечном счете, был аморализм, утверждение, закрепление, узаконение классовой несправедливости». И, конечно, «Только бесклассовое, коммунистическое общество может родить истинно человеческую мораль, мораль человеческой свободы».

Поскольку насилие – основа капиталистического общества, любые гуманистические идеи и гуманизирующие институты бессильны. Отсюда причины пессимизма, поразившего тысячи религиозных людей: «Поэтому естественно чувство отчаяния, охватывающее субъективно честных людей буржуазного мира, размышляющих о судьбе двух наиболее мощных религиозно-этических учений классового общества: буддизма и христианства».

А поскольку мораль в капиталистическом обществе отменена, постольку самым влиятельным социальным течением становится наиболее аморальное – нацизм. Причем, по мысли Мостовского, Гитлер умело играл на чувстве оскорбленной справедливости немцев, переживавших поражение в войне 1914–1918 гг.

Далее – рассуждение о том, что главный враг нацизма – это коммунизм. Ведь цель нацизма – колонизация и эксплуатация всего мира. Цель коммунизма – освобождение всего человечества ради того, чтобы оно могло мирно трудиться. Кстати, для достижения этой цели социалистам иногда требуется насилие. Но это временная, исторически оправданная мера: «Насилие, проводимое моралью, осуществляется на благо большинства. Насилие аморализма направлено на благо меньшинства, служит борьбе прошлого

⁴¹ Там же. Ед. хр. 40. С. 382–396.

⁴² Там же.

против будущего, борьбе общественной несправедливости во имя той же несправедливости».

Иначе говоря, разочарование Иванникова в добре и доброте, утрата веры в абстрактного «бога» – все это, по Мостовскому, следствия того, что мышление Иванникова так и не перестроилось после 1917 г.

Большой беды, однако, в этом нет, поскольку классовое общество обречено на гибель. Нынешняя война – агония капитализма. Иванников по-своему это чувствует – просто не в силах понять, что все лучше, чем ему кажется.

Метафорически эту ситуацию можно было бы описать так. Иванников стоит перед пропастью. И вид этой пропасти его ужасает. Как человек добрый и чуткий, он болезненно переживает этот опыт, поэтому у него создается впечатление, что бездна поглотит и его, и тех, в жизни кого он готов участвовать. Но это лишь одна сторона исторического процесса. Выход – есть. Достаточно посмотреть в другую сторону. Быть может, именно там деактуализируется антитеза «добро» – «доброта».

Через несколько дней Мостовской встречает Иванникова на улице. Выглядит тот ужасно: «Небритое лицо Иванникова было покрыто грязью и в мутном свете догоравших пожаров, смешанном с кровавым закатом, казалось зловещим и недобрим <...> В порванном брезентовом плаще, с обгоревшей полшой, с впалыми щеками, заросшими черной и пыльной щетиной, Иванников в любом ином месте и в другое время показался бы существом странным и необычайным». Мостовской радуется встрече с ним и зовет его к себе в гости, единственную, быть может, квартиру в Сталинграде, где «уцелел потолок и даже стекла не выбиты»⁴³.

Когда они входят в комнату, «прибранную и подметенную, разительно противоположную хаосу, царившему вокруг», Иванников вдруг спрашивает Мостовского: «Вы живы?» – тот отвечает, что жив, а затем участливо спрашивает, не голоден ли Иванников. Затем пытается узнать, где тот находился во время пожара, на что Иванников отвечает с горечью: «Не будем говорить о пустяках <...> Эти развалины – ничто по сравнению вот с этим, – сказал он и ударил себя кулаком в грудь: пожар сжег не город – он сжег душу человеческую».

Мостовской, конечно, возражает ему, что «человек и человеческий дух уцелели», уверяет Иванникова, что «человек победит злодеев и преступников, приговорит их к смертной казни, приведет приговор в исполнение, а после победы отстроит этот город». Однако Иванников его не слышит.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 44. С. 334–343.

Старый большевик достает тетрадь, говорит, что готов прочитать для Иванникова несколько страниц из нее, и вдруг замечает, что у того руки в крови и ногти на пальцах сорваны. Заметив беспечность Мостовского, Иванников объясняет, что он пытался спасти людей, которых засыпало в бомбоубежище, но все тщетно. Затем добавляет, что под завалами погребен и Гагаров. Мостовской в смятении. Он точно знает, что Гагаров жив, поскольку незадолго до нападения немцев на Сталинград он был командирован в Куйбышев, где у него все устроилось наилучшим образом.

И вдруг измученный Иванников спрашивает... не видел ли Мостовской слона, сбежавшего из сталинградского зоопарка. Его заботит судьба несчастного животного. Мостовской всматривается в лицо Иванникова – и понимает, что тот помешался.

Мостовской вдруг обнаруживает в себе чувства, которые, казалось бы, ему чужды. Он бросается на кухню, чуть не умоляет свою кухарку Агриппину Петровну, чтобы та срочно приготовила Иванникову воду и бинты и разогрела для него щи. На ее недовольные замечания, что керосина и так осталось немного, Мостовской чуть не кричит: «Необходимо, понятно вам, необходимо немедленно, человек ранен», – и не хочет слышать возражений. Вернувшись в комнату, отдает Иванникову свою одежду, умоляет его переодеться и бежит обратно к Агриппине Петровне на кухню. Единственное, что его сейчас заботит, – куда отправить несчастного безумца, чтобы тот не пропал в догорающем Сталинграде. Однако когда Мостовской возвращается в комнату, Иванникова уже нет. Вещи остались не тронуты: «Так и ушел безумный Иванников, не познав ни добра, ни доброты Мостовского, и с тех пор Мостовской уж никогда не слышал о нем и не узнал его судьбы».

Такую концовку можно считать окончанием спора между Мостовским и Иванниковым. Вопрос о правоте диспутантов решается не теоретически, а практически. Идеолог Мостовской не бездействует. Он не просто говорит, что выход есть, – он готов жертвовать собой ради страждущего. Оправдывая идею социалистического добра, он в то же время совершает поступок, который можно охарактеризовать как жест «доброты». Он готов отдать свою одежду, свою еду обезумевшему от горя философу Иванникову. Таким образом Мостовской доказывает, что сами понятия «добро» и «доброта» более не противопоставлены.

Гораздо сложнее разрешается спор между Мостовским и Иконниковым, в «Жизни и судьбе».

Во-первых, у Мостовского, как упомянуто выше, появляется новый оппонент – комендант концентрационного лагеря Лисс. Он проводит аналитическую операцию, противоположную той, что

осуществил Мостовской в «За правое дело»: Лисс указывает на использование советским руководством насилия против тех, кто ему противостоит не в силах, – и ждет реакции Мостовского. Но тот от полемике отказывается⁴⁴.

Мостовскому удается убедить себя, что Лисс – всего лишь провокатор и слова его лживы. Однако, оказавшись в карцере, он испытывает приступ тоски и одиночества. Там же он читает трактат Иконникова, включающий пассаж о 1937 г. в СССР.

Под воздействием ли ночного разговора с Лиссом, от физической ли и умственной усталости, Мостовской оказывается не в силах что-либо возразить Иконникову, даже заочно. Публицистический пафос первых неопубликованных редакций «За правое дело» иссяк.

Да, это написано потрясенным человеком. Катастрофа убогого духа!

Раскисляй объявил, что небеса пусты... Он видит жизнь, как войну всех против всех. А под конец он поиграл старыми бубенцами, добротой старушек, и собирается клистирной спринцовочкой потушить мировой огонь. Как все это ничтожно!

Глядя на серую стену одиночки, Михаил Сидорович вспомнил голубое кресло, разговор с Лиссом, и тяжелое чувство охватило его. Это была не головная тоска, – затосковало сердце, дышать стало трудно.

Это все, на что хватает Мостовского⁴⁵. Правда, еще тяжелее ему становится по возвращении в барак. Оказывается, что его товарищи, готовившие восстание против нацистов, решили избавиться от одного из лидеров восстания – майора Ершова. Умный, честный, прямолинейный, преданный своим товарищам по несчастью, но, на свою беду, беспартийный, Ершов стал вызывать подозрения у своих партийных сокамерников с обостренной классовой интуицией.

«Сразу обнаружилось раздвоение в руководстве. К Ершову существовала стихийная тяга со стороны многих, это кружило ему голову. Он ни за что не подчинился бы центру. Человек он неясный, чужой. С каждым шагом положение запутывалось. Ведь первая заповедь подполья – стальная дисциплина. А у нас получались два центра – беспартийный и партийный. Мы обсудили положение и приняли решение. Чешский товарищ, работающий в канцелярии, подложил карточку Ершова в группу отобранных для Бухенвальда, его автоматически внесли в список»⁴⁶, – так объясняет позицию

⁴⁴ См.: *Гроссман В.С. Жизнь и судьба*. С. 297–306.

⁴⁵ Там же. С. 311.

⁴⁶ Здесь и далее цит.: *Гроссман В.С. Жизнь и судьба*. С. 401–402.

коммунистов старый большевик Осипов. И добавляет: «Таково было единогласное решение коммунистов».

Мостовской хочет возмутиться – и вдруг, расправив плечи, произносит: «Я подчиняюсь этому решению, принимаю его как член партии», – и выкладывает листовки, заготовленные к планируемому восстанию.

В этот же момент в его памяти почему-то всплывает лицо Иконникова. На вопрос, не отправили ли и того в Бухенвальд, Мостовской слышит: «Старый юродивый, кисель, как вы его называли? Он казнен. Отказался выйти на работу по строительству лагеря уничтожения. Кейзе было приказано застрелить его».

Противясь «добру» нацистов, Иконников принимает смерть. И в этом последнее проявление его «доброты». В этом – его последовательность и его свидетельство, что в бесчеловечное время человек может жить по-человечески и умереть так же.

Мостовского тоже вскоре расстреляют. Заговор был раскрыт, все участники – убиты. Но смерть настигнет Мостовского уже после того, как он предал свою человеческую интуицию и предпочел ей партийную дисциплину.

Литература

- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Клинг 2012 – *Клинг Д.О.* Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 211 с.
- Ланин 1997 – *Ланин Б.А.* Идеи открытого общества в творчестве Василия Гроссмана. М.: Магистр, 1997. 31 с.
- Bit-Yunan, Chandler 2019 – *Bit-Yunan Yu., Chandler R.* Afterword // Grossman V. Stalingrad / transl. by R. Chandler, E. Chandler; ed. by R. Chandler, Yu. Bit-Yunan. N.Y.: NYRB, 2019. P. 971–1011.
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasilij Grossman: The genesis and evolution of a Russian heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. 239 p.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasilij Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. 437 p.
- Guglielminetti 2011 – *Guglielminetti E.* L'orientamento del “due” in *Vita e Destino* // L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne / A cura di P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2011. P. 243–260.
- Maddalena 2011 – *Maddalena G.* La filosofia sintetica in Vasilij Grossman // L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne / A cura di P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2011. P. 279–300.

- Riconda 2007 – *Riconda G.* La “religione” di Grossman // Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo / A cura di G. Maddalena, P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2007. P. 221–250.
- Sisto 2007 – *Sisto M.* Vasilij Grossman: il realismo materno contro l’ideologia // Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo / A cura di G. Maddalena, P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2007. P. 199–206.

References

- Bit-Yunan, Yu. and Chandler, R. (2019), “Afterword”, in Grossman, V., *Stalingrad*, NYRB, New York, USA, pp. 971–1011.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasilii Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
- Ellis, F. (1994), *Vasilij Grossman. The genesis and evolution of a Russian heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, New York, USA.
- Guglielminetti, E. (2011), “L’orientamento del ‘due’ in *Vita e Destino*”, in Tosco, P., ed., *L’umano nell’uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 243–260.
- Kling, D.O. (2012), *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana v kontekste literaturnoi kritiki* [Vasily Grossman’s legacy in the literary criticism context], Marina Tsvetaeva’s House-Museum, Moscow, Russia.
- Lanin, B.A. (1997), *Idei otkrytogo obshchestva v tvorchestve Vasiliya Grossmana* [The ideas of open society in V. Grossman’s works], Magistr, Moscow, Russia.
- Maddalena, G. (2011), “La filosofia sintetica in Vasilij Grossman”, in Tosco, P., ed., *L’umano nell’uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 279–300.
- Riconda, G. (2007), “La ‘religione’ di Grossman”, in Maddalena, G. and Tosco, P., eds., *Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 221–250.
- Sisto, M. (2007), “Vasilij Grossman: il realismo materno contro l’ideologia”, in Maddalena, G. and Tosco, P., eds., *Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 199–206.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yurii G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com